

Отдельные судебные прецеденты между русскими и ганзейскими купцами в Нарве первой половины XVI века как источник для исследования механизмов русско-ганзейского товарообмена

В. А. Якунина

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
valentina.yakunina@novsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные судебные прецеденты с участием русских и ганзейских купцов в Нарве первой половины XVI века как источник для реконструкции механизмов трансграничной торговли. Судебные документы анализируются не как простое отражение нормативных постановлений, а как свидетельство практической стороны торговых взаимодействий и правового регулирования в условиях пограничного контекста. Особое внимание уделяется правомерности индуктивных обобщений, сделанных на основе фрагментарного и конфликтоцентричного материала, а также методологическим ограничениям подобного подхода. В статье также анализируются институциональные и поведенческие модели, выявленные в судебных делах, проводится их сопоставление с другими типами источников и рассматриваются возможности применения методов дескриптивной статистики. Делается вывод о том, что судебные прецеденты представляют собой ценный материал для понимания не только фактических аспектов торговли, но и процессов юридической артикуляции, адаптации и согласования, формировавших трансграничную торговлю в Балтийском регионе раннего Нового времени.

Ключевые слова: Нарва, Ганза, русско-ливонская торговля, трансграничный обмен, торговые практики, историческая реконструкция, методология.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00954 «Нарва в торговой стратегии Любека в контексте трансформации механизмов русско-ганзейского товарообмена времен Ливонской войны (1558–1583)».

Для цитирования: Якунина, В. А. (2025). Отдельные судебные прецеденты между русскими и ганзейскими купцами в Нарве первой половины XVI века как источник для исследования механизмов русско-ганзейского товарообмена. *Caurus*, 4(1), 27–36. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-27-36](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-27-36)

Individual judicial precedents between Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for studying the mechanisms of Hanseatic-Russian trade exchange

Valentina A. Yakunina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
valentina.yakunina@novsu.ru

Abstract. The article examines individual judicial precedents involving Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for the historical reconstruction of cross-border trade mechanisms. Court documents are analyzed not as mere reflections of regulatory frameworks, but as evidence of the practical side

of commercial interactions and legal regulation in a borderland context. Particular attention is paid to the validity of inductive generalizations drawn from fragmented and conflict-centered material, as well as to the methodological limitations of this approach. The article also analyzes institutional and behavioral models revealed in the court cases, compares them with other types of sources, and explores the potential of descriptive statistical methods. The study concludes that judicial precedents are a valuable resource for understanding not only the factual aspects of trade, but also the processes of legal formulation, adaptation, and negotiation that shaped cross-border commerce in the early modern Baltic region.

Keywords: Narva, Hanseatic League, Livonian-Russian trade, cross-border exchanges, commercial practice, historic reenactment, methodology.

Funding: the research was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00954, within the framework of the scientific project “Narva in the Lubeck trade strategy within the framework of means transformation of the Hanseatic-Russian commodity exchange during the Livonian War (1558–1583)”.

For citation: Yakunina, V. A. (2025). Individual judicial precedents between Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for studying the mechanisms of Hanseatic-Russian trade exchange. *Caurus*, 4(1), 27–36. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-27-36](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-27-36)

Изучение механизмов русско-ганзейской торговли в Нарве конце XV – первой половине XVI в. предполагает обращение к разнообразным источникам, среди которых особую ценность представляют судебные прецеденты, большей частью представленные в письмах магистрата Нарвы в Ревель, хранящихся в фонде городского магистрата Таллиннского городского архива (Tallinna Linnaarhiiv, f. 230. Tallinna Magistraat – далее TLA.230) (TLA.230. BD 8-III; TLA.230. BD 8-IV). Эти материалы отражают конфликты, возникавшие в процессе трансграничных контактов, и дают возможность заглянуть в практическую сторону товарообмена. Важно учитывать, что ганзейское право не представляло собой единого кодифицированного корпуса: оно складывалось из множества источников – рецессов, городских статутах, торговых обычаев, общих для североевропейского пространства [Ebel, 1978, ss. 35–36, 42; Cordes, 2008, ss. 208–210], что усложняет анализ. При этом, в отличие от договорной или финансово-отчётной документации, судебные дела фиксируют не норму, а отклонение от неё – то есть конфликт, сбой или исключение. Это обстоятельство ставит перед исследователем целый ряд методологических вопросов. Насколько правомерно строить модель товарообмена на основании не репрезентативного, а отчасти случайного массива источников? Можно ли переносить поведенческие стратегии участников торгового процесса, выявленные на основе конфликтных ситуаций, на более широкий контекст?

Привлекательность судебных дел как источника заключается в их насыщенности деталями – именами участников, описаниями сделок, упоминаниями маршрутов и условий передачи товаров. В то же время, именно эта предметная конкретность не должна вводить в заблуждение: судебный документ говорит не о типичности, а об исключительности. Индуктивный метод, предполагающий выведение общих закономерностей из частных случаев, в данном случае требует особенно взвешенного подхода. Он может быть продуктивным, но только при условии системного сопоставления судебных данных с иными типами источников – правовыми нормами, дипломатической перепиской, хозяйственной отчётностью, а также встраивания каждого эпизода в более широкий политико-экономический и культурный контекст эпохи.

Данная статья ставит перед собой задачу рассмотреть, насколько уместно и продуктивно использование судебных дел в качестве базы для индуктивного вывода о механизмах русско-ганзейский и русско-ливонской торговли, а также какие ограничения накладываются на подобную интерпретацию.

Судебные прецеденты (из материалов TLA.230. BD 8-III¹; TLA.230. BD 8-IV) как источник. Общая характеристика возможностей и ограничений

Судебные прецеденты между русскими, ливонскими и ганзейскими купцами являются ценным источником для реконструкции отдельных элементов торговых механизмов. Их сильной стороной является насыщенность конкретикой – как правило, мы можем проследить состав участников, формы расчета, ассортимент товаров, торговые маршруты и места совершения сделок, в отдельных случаях – реакцию местных властей на сделку. Помимо этого, конкретные судебные дела позволяют понять, каким образом выстраивалась правовая инфраструктура трансграничной торговли: как происходило обращение к вышестоящим инстанциям, каким было взаимодействие между городскими магистратами, фогтами, купцами и иными торговыми агентами.

Одновременно с этим судебные документы обладают и рядом серьезных ограничений. Во-первых, как отмечено выше, они отражают лишь проблемные, конфликтные ситуации, а потому создают смещённое представление – то, что зафиксировано как спор, не обязательно было типично. Во-вторых, документальные пробелы – отсутствие финальных решений, неполные показания, утраченные сопроводительные документы для большинства дел – затрудняют однозначную трактовку. В-третьих, существует риск гипертрофированной интерпретации отдельных случаев: попытка масштабировать поведение одного купца на общую практику ведёт к искусственным обобщениям. Подобные ограничения делают необходимым критическое отношение к материалу и постоянное сопоставление судебных данных с другими типами источников, возникавших в торговле между русскими и ганзейскими купцами: административной перепиской ливонских городов, постановлениями ганзейских съездов, сведениями археологии и т. д.

Однако, что делать, если исследователь сталкивается с документом, который невозможно проверить через другие источники? Такая ситуация особенно характерна для изучения трансграничной торговли в небольших пограничных городах, где значительная часть коммуникации и практик не фиксировалась регулярно. Встречается масса документов, описывающих уникальные случаи, которые, в целом, не противоречат известным реалиям, но при этом не подтверждаются другими свидетельствами как повторяющиеся. Несомненно, такие документы представляют ценность для иллюстрации выражения существовавшего опыта торговых коммуникаций, но насколько выводы, сделанные на одном, максимум двух документах имеют право быть масштабируемы?

Мы не будем уходить в философско-методологические рассуждения о проблемах индуктивного подхода в истории, так как современная историческая наука

¹ Скан-копии документов папки TLA.230. BD 8-III доступны на сайте Национального архива Эстонии (Rahvusarhiiv on Eesti). URL: <https://www.ra.ee/> (дата обращения: 05.05.2025).

уже давно принимает, что историк не может полностью полагаться на индуктивные обобщения из ограниченного круга свидетельств. Только верифицированное сопоставление таких данных с другими источниками позволяет использовать индуктивный подход более взвешенно и эффективно. В таких условиях необходим поиск новых методов работы, с одной стороны, с уникальным, но с другой – с массовым материалом, содержащим разнообразные сведения. Как нам кажется, в случае с обозначенным регионом и периодом необходимо рассмотреть возможность привлечения количественного анализа для выявления тенденций в русско-ганзейской и русско-ливонской торговле, несмотря на ограниченный объем источников и их специфику. Например, использование данных из исходящей корреспонденции Нарвы в Ревель позволяет условно проследить динамику торговой активности и выявить моменты её роста на фоне политических или правовых ограничений. Методы дескриптивной статистики, применяемые в этом контексте, позволяют фиксировать частотность упоминаний сделок, конфликтов, типов товаров или сторон и тем самым очертить поля наибольшей активности и напряжённости. Это не создаёт полной картины, но помогает выстроить эмпирически подкреплённую модель. Даже учитывая, что каждый в отдельности случай уникален, статистика позволяет представить более глобальную картину. К числу преимуществ статистического подхода можно отнести его наглядность, повторяемость и независимость от интерпретативных допущений. Вместе с тем он ограничен точностью данных, не охватывает незафиксированные в источниках случаи и подвержен влиянию жанровой специфики документа. Таким образом, дескриптивная статистика может стать мощным вспомогательным инструментом, если её результаты рассматривать в комплексе с качественным анализом и контекстуализацией. Что, в свою очередь, позволяет учесть множественность правовых уровней (локальный, региональный, общеганзейский), о которых уже неоднократно упоминалось в литературе [Ebel, 1967, ss. 16–17; Wernicke, 1986, ss. 152–155], минимизировать риски индуктивной ошибки и приблизиться к реконструкции реальных механизмов русско-ганзейского товарообмена. Статистические методы, применяемые при изучении русско-ливонских и русско-ганзейских отношений, не претендуют на точную количественную картину, но дают важный инструмент выявления макроисторических сдвигов и закономерностей.

Какие механизмы товарообмена поддаются реконструкции?

Обращение к судебным прецедентам между русскими и ганзейскими купцами в Нарве второй половины XV – первой половины XVI в. позволяет выявить отдельные элементы торговой практики, поддающиеся реконструкции. Эти элементы становятся особенно ценными в условиях ограниченности корпуса источников и отсутствия систематизированной отчётности по трансграничной торговле. Несмотря на то, что судебные документы, как отмечено выше, фиксируют ситуации конфликта, одновременно с этим они вскрывают глубинные механизмы, обеспечивавшие устойчивость торговых связей. Именно эти исключения открывают доступ к скрытым сторонам торговой практики. Прецеденты, в которых стороны вынуждены излагать свои ожидания, права и обязательства, дают возможность исследователю зафиксировать правила, не записанные в уставах и регламентах.

Какие сведения мы можем получить, обратившись к судебным прецедентам? В первую очередь, это состав участников торговых сделок: в большинстве случаев в документах зафиксированы обе стороны, но при этом мы можем обнаружить как полные имена и их должности, так и укороченные прозвища без пояснений или вовсе упоминание «один/некий русский» (*einen russen*). Также обращение к отдельным прецедентам позволяет выявить разнообразные формы и практики организации торговли, устойчивость которых подтверждается их повторяемостью в источниках. Одной из таких форм является прямая индивидуальная торговля в соответствии с устоявшимися ганзейскими правилами – стариной. При такой торговле русские купцы, прежде всего новгородцы и псковичи, заключали сделки непосредственно с немецкими или ливонскими торговцами. Такая модель, как видно из писем магистрата Нарвы, сопровождалась возникновением конфликтов по поводу качества товара, условий расчёта, времени доставки и соблюдения договорённостей. Одновременно с этим значительное место занимала торговля в обход установленных Ганзой и орденом правил, в том числе за пределами официальных стапельных пунктов. В делах также зафиксированы попытки русских и ливонских купцов провозить запрещенные к вывозу товары. Говоря о реконструкции форм организации торговли, отметим, что здесь же восстанавливаются отдельные торговые маршруты и география сделок, а также ассортимент товаров, формы расчета и торговые посредники (например, гезелле и маклеры).

Особый интерес представляет институциональное сопровождение торговли со стороны городских властей. Магистрат Нарвы, действуя в условиях правовой и политической неопределённости, не только разрешал споры, но и самостоятельно формировал подходы к их урегулированию, зачастую в обход Ревеля. Что иллюстрируется, например, делом о рассмотрении претензий в отношении Хайзе Патинера (*Heyse Patyner*) 1500 г.², а также последовательно выстраиваемой позицией магистрата в деле укрепления торговых позиций города. Особую ценность имеют случаи, в которых задействованы сразу несколько уровней правового регулирования: купец – магистрат Нарвы – магистрат Ревеля – Ливонский орден. Такие комплексы документов, как, например, разбирательство между магистратом Нарвы и выборгскими бургомистрами Германом Шредером (*Hermann Scroder/Schroder*) и Маттиасом Шкривером (*Mattias Scryver*), уполномоченными представителями господина Эрика Турссена (*Erik Turssen*), рыцаря и гауптмана Выборга, по поводу задержанных в Нарве товаров от 4 марта 1509 г.³, фиксируют, как формируются

² Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля от 26 августа (*des myddewekens na Bartholomei*) 1500 г. с просьбой подтвердить отклонение иска русского Ивана (Iwane), посланника капитана Ивангорода, который предъявил Хейсе Патинеру обвинение в продаже некачественного товара [TLA.230. BD 8-III. Fol. 61]; приложение к письму BD 8 III f. 61. Речь защиты Хейсе Патинера с черновиком судебного решения совета Ревеля, которое признает Патинера правой стороной в названном деле, при условии, что он сможет доказать, что русский не явился в назначенное время [TLA.230. BD 8-III. fol. 60].

³ Письмо выборгского бургомистра Германа Шредера и Маттиаса Шкривера, уполномоченных представителей господина Эрика Турссена, рыцаря и гауптмана Выборга, к совету Ревеля по поводу задержанных в Нарве товаров от 4 марта 1509 г. [TLA.230. BD 8-III. Fol. 113]; письмо совета Нарвы к совету Ревеля по делу между Эриком Турсеном в качестве истца и Йохимом Винекеном в качестве ответчика из-за задержанных в Нарве товаров от 8 марта 1509 г. [BD 8 III f. 114]; исковое заявление Германа Шредера и Маттиаса Шкривера [TLA.230. BD 8-III. Fol. 115]; копия письма Йохима Винекена к Эрику Турсену от 2 декабря 1507 [TLA.230. BD 8-III. Fol. 116]; письмо Йохима Винекена с просьбой прислать ему копию письма из Ревеля [TLA.230. BD 8-III. Fol. 117]; письмо совета

локальные правовые нормы и как они «встраиваются» в общеганзейский и ливонский контекст. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать торговые практики не только как экономический процесс, но и как явление, институционализированное через право и управленческую культуру.

В то же время следует учитывать, что судебные источники, при всей их насыщенности деталями, практически не содержат информации об объёмах торговли, частоте сделок и динамике обмена. Мы не можем точно определить, насколько те или иные зафиксированные практики были систематическими, насколько часто повторялись аналогичные схемы и каков был их удельный вес в общем обороте. Это обстоятельство существенно затрудняет попытки масштабирования наблюдений и делает проблематичным разграничение между единичным и типичным. Подобная неопределённость требует особой осторожности при формулировании обобщающих выводов и делает особенно важным сопоставление данных прецедентов с другими источниками.

Судебные документы, несмотря на жанровую ограниченность, позволяют реконструировать такие важные механизмы русско-ганзейского товарообмена, как формы расчёта, маршруты движения товара, логистическая инфраструктура, участие посредников и роль административных структур в регулировании торговых отношений. Их повторяемость в корпусе источников второй половины XV – первой половины XVI в. позволяет говорить о существовании относительно устойчивых моделей, дополняющих представление о функционировании пограничной торговли в Нарве. Однако каждый подобный случай требует не просто анализа, а многократного контекстуального сопоставления: с аналогичными делами, с правовыми текстами, с дипломатической перепиской. Один случай – это не правило, но совокупность хорошо атрибутированных, близких по формату и содержанию дел может стать эмпирической базой для осторожной реконструкции. Так, повторяющиеся упоминания маклеров [Arbusov, 1900, № 442, s. 472], сделок «за деньги»⁴ и маршрутов через Ивангород⁵ в 1490-х и 1510-х гг. позволяют выделить устойчивые линии коммуникации и практики обхода официальных ограничений. Реконструкция торговых механизмов возможна, если исследователь не сводит судебный прецедент к факту, а анализирует его как проявление более широкой логики – логики взаимодействия, регулирования, сопротивления и адаптации.

Нарвы к совету Ревеля от 11 марта 1509 г. по указанному делу с изложением исковых заявлений от обеих сторон [TLA.230. BD 8-III. Fol. 118]; речь Иоахима Винкена в качестве ответчика с пространным изложением обстоятельств дела [TLA.230. BD 8-III. Fol. 120–121]; копия (?) письма магистрата Нарвы в Ревель от 1509 (?) г. с сообщением, что они получили решение по указанному делу из Ревеля, однако одна из сторон не согласна с решением. Описывают обстоятельства дела и выносят свое решение [TLA.230. BD 8-III. Fol. 122].

⁴ № 145. Магистрат Нарвы в лице Корда цур Хелле обращается к магистрату Ревеля по поводу разбирательства между Гансом Гаппе и Кордом цур Хелле из-за торговой сделки, заключенной вопреки обычаю; Ганс Гаппе апеллирует в Ревель. 3 сентября 1493 г. [Якунина, 2022, с. 285–288].

⁵ Требования ивангородского воеводы [Ивана Никитича Бутурлина] к организации торговых отношений между русскими и ливонцами, записанных бургомистром Нарвы Фредериком Корфом и направленных им городскому секретарю Ревеля Отто Манову, 20 июня (?) 1515 г. [TLA.230. BD 8-III. fol. 81].

Правовая практика русско-ганзейской и русско-ливонской торговли в судебных прецедентах: исследовательский потенциал и методологические рамки

Использование судебных прецедентов как источника для реконструкции механизмов правового регулирования торговли на русско-ливонской границе требует понимания специфики этих документов как не только отражающих, но и формирующих правовую реальность. Мы не имеем перед собой корпус нормативных актов, но сталкиваемся с попытками сторон зафиксировать, обосновать или оспорить определённые практики, апеллируя при этом к праву – как к действующему, так и к предполагаемому.

Документы второй половины XV – начала XVI в. показывают, что формализация правовых норм происходила зачастую через конфликт, в ходе которого стороны ссылались на старину, прецеденты, или мнение третьих лиц. В этих условиях прецедент обретает двойственную функцию – он и свидетельство, и аргумент. Так, требование ивангородского воеводы И. Н. Бутурлина от 1515 г.⁶ [Якунина, 2024], зафиксированное в письмах нарвского магистрата, не просто описывает локальные условия торговли, но демонстрирует, как новая правовая норма внедрялась через практику и сопровождалась институциональным признанием со стороны ливонской стороны. Если обратиться к более ранним письмам, мы можем наблюдать даже более показательную ситуацию, а именно отсылку к несуществующей норме любекского права – использованию пыток (*pinigen*)⁷.

Анализ подобных ситуаций позволяет увидеть, как формировались и трансформировались механизмы регулирования – не через кодификацию, а через последовательные согласования, закреплявшиеся в письменной переписке и судебных инициативах. Повторяемость таких практик, а также их интерпретация магистратом Нарвы или Ревеля, позволяет говорить о существовании неформального, но действенного правового пространства, основанного на ситуативном применении норм. Подобный подход требует учёта риторической функции источника и анализа не только содержания, но и контекста его появления. Судебные обращения зачастую преследуют цель – убедить, оправдать, воздействовать. Поэтому анализ правового механизма, зафиксированного в них, невозможен без сопоставления с аналогичными материалами, а также понимания внутривластной и межгосударственной конъюнктуры. В этих условиях правомерность использования судебных прецедентов как источника заключается не в их нормативной завершённости, а в способности исследователя выявить в них динамику переговоров, попытки установления правил, и способы институционального реагирования на их нарушение. Это позволяет рассматривать эти документы как уникальное свидетельство о правовом воображении участников торговли и механизмах локального правотворчества в условиях пограничной неопределённости.

⁶ Требования ивангородского воеводы [Ивана Никитича Бутурлина] к организации торговых отношений между русскими и ливонцами, записанных бургомистром Нарвы Фредериком Корфом и направленных им городскому секретарю Ревеля Отто Манову, 20 июня (?) 1515 г. [TLA.230. BD 8-III. fol. 81].

⁷ Ответ магистрата Нарвы на письмо совета Ревеля от 13 декабря 1492 года; обвиненный ревельским бюргером Генрихом Флуверком гезелле Бертольд Детлев отпущен советом Ревеля. 31 января 1493 года [Якунина, 2022, с. 275–279].

Здесь стоит отметить, что в целом современные исследователи средневекового права сходятся во мнении, что история права – это, в первую очередь, история юридической практики, а не фиксированных и кодифицированных норм. Нормативные источники не отражают повседневных реалий, и потому историкам права следует уделять основное внимание именно источникам практического характера – таким, как судебные письма, протоколы, корреспонденция между городами [Cordes et al., 2016, s. 178, 184]. Одновременно с этим, как подчёркивает Тиина Кала, тексты любекского права не упоминают ни одной письменной процедуры и не обязывают к ведению актов или записей [Kala, 2008, s. 102]. Чаще фиксируют не результат, а процесс – то, как конфликт превращался в повод для обсуждения нормы, как стороны пытались придать своим требованиям универсальность через ссылки на право, и как административные структуры выступали медиаторами между нормой и практикой. При этом Кала отмечает, что эти устные и письменные практики в Ревеле были не статичны, а со временем развивались, и роль письменности заметно возрастала с XIV–XV вв., особенно в международных апелляционных делах [Kala, 2008, s. 102]. И именно это делает их незаменимым источником не только по истории торговли, но и по истории правосознания и юридических трансформаций [Groth, 2016, ss. 288–290].

Однако, рассматривая письма нарвского магистрата как материал для анализа правовых механизмов, мы неизбежно сталкиваемся с жанровыми и содержательными ограничениями: тексты часто неполные, односторонние, написаны с целью оправдания позиции одной из сторон. Однако, даже в этих условиях они позволяют зафиксировать реакцию институтов на конкретные вызовы, а также аргументацию, применяемую в контексте конфликта. Правовые позиции в письмах с обращениями к магистрату по судебным вопросам формируются не столько на основе нормативных источников, сколько через апелляцию к прецеденту, ганзейской «старине», мнению купцов или моральному авторитету власти. В этом смысле документы второй половины XV – начала XVI в., фиксирующие обращения к ревельским структурам, не дают представления о стабильной системе, но позволяют проследить механизмы временного и ситуативного согласования. Они полезны не для реконструкции нормативного пространства, а для понимания логики взаимодействий в условиях институциональной гибкости и фрагментированности. Исследователь, обращающийся к судебным делам как источнику о правовых механизмах, должен учитывать их многослойность – это одновременно свидетельство, инструмент влияния и объект интерпретации. Важно не искать в них готовых норм, а выявлять процессы формирования и согласования этих норм, происходившие в контексте сложного и подвижного трансграничного пространства, каким была Нарва в указанное время.

Работа с судебными прецедентами в этом контексте требует понимания их риторической природы, способности фиксировать не норму, а спор вокруг нормы, и способности этих споров влиять на дальнейшую практику. Это делает правовую систему пограничья динамичной, открытой к корректировкам и ситуативным адаптациям. Использование судебных прецедентов для анализа правовых механизмов трансграничной торговли требует особой методологической осторожности. Мы имеем дело не с систематизированным сводом норм, а с зафиксированными

в письмах эпизодами, отражающими практику реагирования на конкретные конфликты. При этом каждое такое дело – не столько источник о праве, сколько проявление правового действия в пограничной ситуации, в условиях неопределённости норм, конкуренции юрисдикций и политической нестабильности. В дополнение к этому важно осознавать, что юридическая реальность пограничных городов, таких как Нарва, не укладывается в рамки централизованных правовых систем. Здесь действовали не универсальные нормы, а гибкие процедуры, которые складывались ситуационно: на основе соотношения сил, политического давления, текущей практики. Именно поэтому судебные прецеденты столь ценны – они фиксируют «полевые» решения, возникавшие в ответ на вызовы момента, а не предписания. Необходимо использовать исследуемые документы не столько как отражение правовых механизмов, а трактовать их как индикатор функционирования правовых ожиданий, риторических стратегий и процедур взаимодействия.

Заключение

Рассмотренные в статье материалы позволяют сделать вывод о высокой значимости судебных прецедентов как источника для реконструкции механизмов русско-ганзейского товарообмена. Несмотря на то, что подобные документы отражают прежде всего конфликтные и исключительные ситуации, они раскрывают структурные и процедурные особенности нарвской торговли, включая формы расчётов, каналы поставок, участие посредников, реакцию властей, а также особенности институционального сопровождения сделок. Проблема переноса единичных случаев на общую картину остаётся методологически сложной. Однако, верифицированные повторяющиеся элементы и последовательные формы правового реагирования, особенно при подтверждении через другие типы источников, позволяют с достаточной степенью уверенности реконструировать отдельные аспекты торговой практики.

Юридическая реальность нарвского пограничья второй половины XV – первой половины XVI в. демонстрирует черты гибкости, ситуативности и институциональной адаптивности. Правовые и торговые практики в этом регионе формировались в условиях постоянных политических и экономических трансформаций и подтверждают справедливость современных исследовательских установок, трактующих средневековое право как совокупность живых, многоуровневых и подвижных практик, а не как статичный нормативный массив. Судебные дела и эпистолярные материалы из Нарвы, рассматриваемые не как источник готовых юридических норм, а как средство осмысления процессов регулирования, взаимодействия и адаптации, открывают перспективу дальнейшего изучения трансграничных торговых режимов и локальных правовых культур позднего средневековья.

Библиографический список

- Якунина, В. А. (2022). *Нарва XV века в документах и материалах*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Якунина, В. А. (2024). К вопросу об атрибуции одного документа начала XVI века из Таллиннского городского архива. *Ганзейский союз: от зарождения к возрождению: сборник научных трудов молодых ученых* (с. 139–146). Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Arbusow, L. (Hg.). (1900). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1*. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner.

- Cordes, A. (2008). Hansisches Recht: Begriff und Probleme. *Hansisches und hansestädtisches Recht* (pp. 205–213). Trier: Porta Alba Verlag.
- Cordes, A., Höhn, P., & Krey, A. (2016). Schwächediskurse und Ressourcenregime. Überlegungen zu Hanse, Recht und historischem Wandel. *Hansische Geschichtsblätter*, 134, 167–203. <https://doi.org/10.21248/hgbll.2016.36>
- Ebel, W. (1967). Der Rechtszug nach Lübeck. *Hansische Geschichtsblätter*, 85, 1–37.
- Ebel, W. (1978). Hansisches Recht: Begriff und Probleme. *Probleme der deutschen Rechtsgeschichte* (ss. 35–46). Göttingen: Otto Schwartz & Co.
- Groth, C. (2016). *Hanse und Recht. Eine Forschungsgeschichte* (Freiburger Rechtsgeschichtliche Abhandlungen. Neue Folge. Band 74. Abt. B: Abhandlungen zur Deutschen Rechtsgeschichte). Berlin: Duncker & Humblot.
- Kala, T. (2008). Das Geschriebene und das Mündliche: das lübische Recht und die alltägliche Rechtspflege im mittelalterlichen Reval. *Hansisches und hansestädtisches Recht*. (ss. 91–112). Trier: Porta Alba Verlag.
- Wernicke, H. (1986). “Na der hense rechte”. Studien zum Recht und zur Gerichtsbarkeit in der Städtehanse. *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*, 10, 121–155.

References

- Arbusow, L. (Hg.). (1900). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1*. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. (In German).
- Cordes, A. (2008). Hansisches Recht: Begriff und Probleme. *Hansisches und hansestädtisches Recht* (pp. 205–213). Trier: Porta Alba Verlag. (In German).
- Cordes, A., Höhn, P., & Krey, A. (2016). Schwächediskurse und Ressourcenregime. Überlegungen zu Hanse, Recht und historischem Wandel. *Hansische Geschichtsblätter*, 134, 167–203. <https://doi.org/10.21248/hgbll.2016.36> (In German).
- Ebel, W. (1967). Der Rechtszug nach Lübeck. *Hansische Geschichtsblätter*, 85, 1–37. (In German).
- Ebel, W. (1978). Hansisches Recht: Begriff und Probleme. *Probleme der deutschen Rechtsgeschichte* (ss. 35–46). Göttingen: Otto Schwartz & Co. (In German).
- Groth, C. (2016). *Hanse und Recht. Eine Forschungsgeschichte* (Freiburger Rechtsgeschichtliche Abhandlungen. Neue Folge. Band 74. Abt. B: Abhandlungen zur Deutschen Rechtsgeschichte). Berlin: Duncker & Humblot. (In German).
- Kala, T. (2008). Das Geschriebene und das Mündliche: das lübische Recht und die alltägliche Rechtspflege im mittelalterlichen Reval. *Hansisches und hansestädtisches Recht*. (ss. 91–112). Trier: Porta Alba Verlag. (In German).
- Wernicke, H. (1986). “Na der hense rechte”. Studien zum Recht und zur Gerichtsbarkeit in der Städtehanse. *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*, 10, 121–155. (In German).
- Yakunina, V. A. (2022). *Narva of the 15th century in documents and materials*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Yakunina, V. A. (2024). On the attribution of a document of the early 16th century from the Tallinn city archive. *The Hanseatic League: From Origin to Revival: Collected Papers of Young Scholars* (pp. 139–146). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 23.01.2025

Принята к публикации / Accepted 26.02.2025

Об авторе / About the author

Якунина Валентина Андреевна – старший преподаватель кафедры Всемирной истории и международных отношений, научный сотрудник научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Yakunina Valentina Andreevna – Senior Lecturer at the Department of World History and International Relations, Research Fellow at the Research Center, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

ORCID: 0000-0002-9461-0437; e-mail: valentina.yakunina@novsu.ru